

ЖИЗНЬ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
НАУЧНЫЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ТОМЪ VII.

ІЮЛЬ.

Счастливая. Рассказъ

А. Крандіевской.

Ноябрь. Очерки Эдмондо де-
Амичиса.

„Сосѣду, хозяину кузни...“

Стих. Н. Новиця.

Умирающая земля. Романъ
Ренэ Базенъ.

„Не вѣрьте безумнымъ напѣвамъ мо-
имъ...“ Стих. В. Г.

Экономическая исторія іудеевъ проф.
Руланда.

Трудился-ль ты? Стих. В. Ш.

Два отрывка изъ „философіи денегъ“
Георга Зиммеля.

„Дави въ себѣ слѣпую жажду счастья...“
Стих. А. Королева.

Фома Гордіевъ. Повѣсть М. Горькаго.

Судьба. Стих. В. Ш.

Народные банки въ Италии А. Л.

См. на оборотѣ

Ночь. Стих. В. Ш.

Нѣсколько словъ о типѣ Фауста Н. Д. Бальмонта.

Трагическая исторія доктора Фауста. Драма Кристофера Марло.

Темпераментъ и характеръ проф. И. Г. Оршансаго.

Я пришла. Стих. В. Ш.

Разсвѣтъ. Рассказъ В. Я. Сѣрошевскаго.

Семидесятые годы. Статья пятая: Роль личности въ исторіи и теоріи прогресса Е. А. Соловьевъ.

Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли. Статья вторая П. Нежданова.

Наслѣдственность по новѣйшимъ воззрѣніямъ проф. И. Наусбайма.

Изъ области знанія и жизни: I. Новѣйшая данныя сербской статистики Ц. Балугдина.—II. О положеніи индійцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ Альберта Моля.

Провинциальная картинки: Въ поискахъ за миллиардами наблюдателя.

Русскія общества взаимопомощи трудящіхся В. Б—аго.

Библиографія С. Терпиоревъ. Сочиненія, Спб., 1899 г. Андреевича.—М. Леклеркъ.

Народные университеты въ Англіи. Спб., 1899 г. Н. Д.—В. Гебель. Вильнюсское народное образование въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Москва, 1899 г. Н. Д.—Ланьга и Сеньобогъ. Введеніе въ изученіе исторіи. Спб., 1899 г. А. Прѣснякова.—М. Курчинский. Союзы предпринимателей. Спб., 1899 г. М. Фридмана.

Хроника внутренней жизни: I. Вѣсти съ юга обѣ урожаѣ.—Постановление Харьковской губернскаго соѣщанія.—Нѣсколько словъ по поводу нового продовольственного устава.—Сословность, взаимопомощь и государственность, какъ основы продовольственного дѣла.—II. Современное состояніе денежнаго рынка.—Нѣкоторые признаки возможнаго денежнаго кризиса.—III. Нѣсколько словъ по поводу одного судебнаго процесса.—IV. Послѣднія распоряженія о печати.—V. Послѣднія распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія.

Иностранные обозрѣнія: Мирная конференція.—Минія Бисмарка и Кристі.—Концентрація демократическихъ партій противъ реакціонныхъ.—Новое французское министерство и французская дѣла.—Кризисъ въ Бельгіи.—Реакція въ Италии Е. С.

Новые книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Отчетъ конторы редакціи „Жизнь“ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ.

Картины: Фаустъ.—Народная столовая въ г. Лукойновѣ.—Деревня Выселки, Княгининскаго уѣзда.

Контора „ЖИЗНИ“ покорнѣйше просить г.г. подписчиковъ въ разсрочку озаботиться своевременной высылкой дополнительныхъ взносовъ во избѣженіе задержки въ полученіи журнала.

1207

1941г.
1922г.

ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

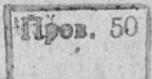
ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ VII.

ИЮЛЬ

1899 г.

Контора редакціи: Спб., Знаменская, 20.
Телефонъ № 2782.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 июля 1899 года.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., № 18.

Т О М Ъ VII.

ІЮЛЬ.

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

	С Т Р А Н .
1) Счастливая. Рассказъ А. Крандіевской	1
2) Ноябрь. Очерки Эдмондо де-Амичиса	19
3) „Сосѣду, хозяину кузни...“ Стихотвореніе Н. Новица	41
4) Умирающая земля. Романъ Ренз Базенъ	43
5) „Не вѣрьте безумнымъ напѣвамъ моимъ...“ Стихотвореніе В. Г.	83
6) Экономическая история юдеевъ проф. Руланда	85
7) Трудился ли ты? Стихотвореніе В. Ш.	97
8) Два отрывка изъ „философіи денегъ“ Георга Зиммеля	99
9) „Дави въ себѣ слѣпую жажду счастья...“ Стихотвореніе А. Королева	116
10) Фома Гордѣевъ. Повѣсть М. Горькаго	117
11) Судьба. Стихотвореніе В. Ш.	148
12) Народные банки въ Италии А. Л.	149
13) Ночь. Стихотвореніе В. Ш.	170
14) Нѣсколько словъ о типѣ Фауста К. Д. Бальмонта	171
15) Трагическая исторія доктора Фауста. Драма Кристофера Марло.	178
16) Темпераментъ и характеръ проф. И. Г. Оршанскаго	217
17) Я пришла. Стихотвореніе В. Ш.	246
18) Разсвѣть. Рассказъ В. Я. Сѣрошевскаго	251
19) Семидесятые годы. Статья пятая: Роль личности въ исторіи и теорія прогресса Е. А. Соловьевса	261
20) Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли. Статья вторая П. Нежданова	283
21) Наслѣдственность по новѣйшимъ воззрѣніямъ проф. I. Наусбайма	304
22) Изъ области знанія и жизни: I. Новѣйшая данныя сербской статистики Ц. Балугдина. — II. О положеніи индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ Альберта Моля	328

23) Провинціальныя картинки: Въ погонѣ за миллиардами Наблюдателя	339
24) Русскія общества взаимопомощи трудящихся В. Баго	358
25) Библиографія: С. Терпигоревъ. Сочиненія. Спб. 1899 г. Андреевича .—М. Леклеркъ. Народные университеты въ Англіи. Спб., 1899 г. Н. Д. .—В. Гебель. Вищшкольное народное образование въ Западной Европѣ и Съверной Америкѣ. Москва, 1899 г. Н. Д. .—Ланглау и Сеньобось. Введение въ изученіе истории. Спб., 1899 г. А. Прѣснікова.—М. Курчинскій. Союзы предпринимателей. Спб., 1899 г. М. Фридмана	368
26) Хроника внутренней жизни: Вѣсти съ юга объ урожаѣ.—Постановленіе харьковскаго губернскаго совѣщанія.—Нѣсколько словъ по поводу нового продовольственного устава.—Сословность, взаимопомощь и государственность, какъ основы продовольственного дѣла.—Современное состояніе денежнаго рынка.—II. Нѣкоторые признаки возможности денежнаго кризиса.—III. Нѣсколько словъ по поводу одного судебнаго процесса.—IV. Послѣдня распоряженія о печати.—V. Послѣдня распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія	389
27) Иностранные обозрѣнія: Мирная конференція.—Миѳія Бисмарка и Криспи.—Концентрація демократическихъ партій противъ реакціонныхъ.—Новое французское министерство и французская дѣла. Кризисъ въ Бельгіи.—Реакція въ Италии E. C.	405
28) Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва	422
29) Отчетъ конторы редакціи журнала „Жизнь“ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ	423

Картины: Фаустъ. — Народная столовая въ г. Луковѣ.—Деревня Выселки, Княгининскаго уѣзда.

Нѣсколько словъ о типѣ Фауста.

Основной пунктъ нѣмецкой легенды о Фаустѣ заключается въ договорѣ человѣка съ дьяволомъ, въ желаніи мятежной человѣческой натуры перейти за предѣлы возможнаго,—силою соприкосновенія съ духомъ зла. Человѣкъ, утомленный нищенской блѣдностью повседневной жизни, человѣкъ, возжаждавшій сверхчеловѣческаго, старается достичь необыкновенной власти и необыкновенного проникновенія, сперва путемъ, по которому идутъ всѣ,—путемъ глубокаго изученія отдельныхъ отраслей познанія,—потомъ, видя, что самыя напряженныя усилія въ этомъ направлениі приводятъ лишь къ жалкимъ ограниченнымъ результатаамъ, онъ посягаетъ на границы чисто-человѣческаго и, предаваясь магії, вступаетъ въ договоръ съ дьяволомъ.

Типъ Фауста—типъ средневѣковья. Въ наши дни люди молятся своему собственному уму; въ тѣ времена молились Богу или дьяволу. Въ наши дни люди чувствуютъ вокругъ себя безграничный міръ съ долгими путями, широко открытыми для каждого. Въ тѣ времена міръ представлялся замкнутымъ, строго ограниченнымъ: онъ былъ тяжелымъ, мрачнымъ замкомъ, въ которомъ непремѣнно были и высокія пиршественные залы, и сырья подземныя темницы,—и въ которомъ, непремѣнно, вступивши въ одну комнату, вы должны были, по строго опредѣленному порядку, перейти въ другую и третью, и четвертую, пока не доходили до предназначеннай для 'васъ участіи.

Въ этой *символикѣ неизбѣжности*, въ этой обязательности перехода отъ одного къ другому было много вѣрнаго, хотя и не сознанного, психологического чутья. Въ ней былъ угаданъ трагическій характеръ соприкосновенія человѣческой души со зломъ, неизлѣчимый характеръ душевной заразы, заключающейся уже въ самомъ фактѣ встрѣчи между человѣкомъ и дьяволомъ.

Когда человѣкъ преступаетъ предѣлы человѣческаго, выби-
рая, какъ средство для этого, дерзновеніе преступленія, душа его
отравлена навѣки, и для него нѣтъ спасенія. Какъ тонко отмѣ-
чено въ Фаустѣ Клингемана,—Фаустъ пишетъ договоръ своей
кровью, исторгнутой изъ лѣвой руки разрѣзомъ, *проходящимъ*
черезъ линію жизни. Этотъ шрамъ, эта пораненная линія жизни
остается навѣки неизгладимымъ знакомъ позорного договора съ
дьяволомъ.

Трагическая исторія доктора Фауста, его *предосудительной*
жизни и *заслуженной* смерти, какъ наивно выражается старин-
ная нѣмецкая легенда, является истинно-средневѣковой поэмой
преступленія и наказанія.

Что же сдѣлалъ съ этой легендой авторъ того „Фауста“,
который считается лучшей разработкой народнаго преданія нѣ-
мецкой старины? Что съ ней сдѣлалъ геніальный поэтъ Вольф-
гангъ Гете?

Онъ написалъ яркое произведеніе, ставшее любимымъ чте-
ніемъ многихъ тысячъ людей девятнадцатаго вѣка; онъ создалъ
біблію *невѣрія*, где почти на каждой страницѣ вы встрѣтите кра-
сивое поэтическое настроеніе или блестяще-выраженную инте-
ресную мысль, но где не осталось ничего изъ трагического ха-
рактера старинной легенды, озаренной прелестью наивности.

Гете уничтожилъ роковой характеръ встрѣчи между чело-
вѣческой душой и духомъ зла. Его Фаустъ и его Мефистофель
не противники, полные заклятой вражды, а добрые товарищи на
скверныя дѣла. Въ силу тѣсной и давнишней дружбы они иногда
подсмѣиваются другъ надъ другомъ, иногда надуваютъ другъ дру-
га, но въ общемъ живутъ, какъ закадычные пріятели.

Если средневѣковая легенда не сумѣла нарисовать типъ
истиннаго дьявола, какъ его *въ должностной мѣрѣ* не сумѣлъ еще
нарисовать никто, она все же въ значительной степени дала его
почувствовать, указавъ на гибельный ужасъ приближенія къ духу
зла. Истинный демонизмъ чувствуется также и въ религіозныхъ
драмахъ испанскихъ авторовъ: Тирсо де-Молина, Кальдерона,
Мира де-Амескуа, Бельмонте и въ „Потерянномъ Раѣ“ Миль-
тона, и въ романахъ Достоевскаго, но его нѣтъ у геніальнаго
и хладнокровнаго Гете. Великий создатель нѣмецкой
литературы былъ слишкомъ эллиномъ, чтобы почувствовать
и изобразить дьявола. Его Мефистофель просто остроумный на-
смѣшникъ и ловкій мошенникъ. Гетеевскій Мефистофель — это
diabolus vulgaris высшаго полета. Кривляясь и дѣлая раз-
ныя ироническія ужимки, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ

человѣкъ опытный въ разрѣшениі высшихъ проблемъ; услаждая себя и Фауста произнесеніемъ философическихъ остротъ, онъ никогда не становится такимъ, чтобы намъ сдѣлалось страшно.

Будучи лишенъ этой главной черты, которая составляетъ *родовое отличие* истинно-сатанинскай натуры, онъ и въ жизни Фауста играетъ чисто-внѣшнюю роль: онъ впутывается его въ цѣпь будничныхъ фактовъ, совершенно лишенныхъ оттѣнка необычайности, служить ему сводникомъ, помогаетъ ему соблазнить заурядную дѣвицу, подталкиваетъ его руку на случайное убийство. Все это элементарные факты, лишенные одухотворенности. *Душу* Фауста онъ не отравляетъ, его *души* онъ не касается. И потому, когда Раскольниковъ, запутавшись въ собственныхъ софизмахъ, внушаетъ себѣ мысль о страшномъ преступленіи и, въ особенности, когда Иванъ Карамазовъ, соблазнительными рѣчами, побуждаетъ Смердякова совершить убийство, и потомъ изнемогаетъ подъ тяжестью кошмаровъ,—въ этомъ чувствуется непобѣдимый ужасъ демонизма, въ этомъ есть геніальный трагизмъ, который отсутствуетъ въ убийствѣ Валентина.

И какъ же разрѣшаетъ Гете интригу драмы, когда она дошла до надлежащей запутанности? Проводя насъ среди безчисленныхъ панорамъ второй части „Фауста“, перепутывая событія драмы съ неясными намеками на свою собственную жизнь, утомляя наше вниманіе этой бесконечной вереницей безжизненныхъ аллегорическихъ масокъ, онъ постепенно подводитъ Фауста къ ощущенію полнаго внутренняго благополучія и, въ видѣ искупленія, заставляетъ его осушать береговую полосу моря и проводить каналы, полезные для торговыхъ сношеній!

Нѣтъ, въ этомъ нѣть психологической правды,—если даже эту связку мы будемъ понимать не прямо, а символически.*^{*)} Фаустъ, гордый Фаустъ, желавшій обладанія вселенной, онъ, тиранъ, считавшій себя роднымъ братомъ съ Духомъ Земли, не понимаетъ такой очевидной истины, что духовный диссонансъ нельзя возмѣстить материальнымъ вознагражденіемъ!

Какъ бы ни была ничтожна Гретхенъ, она достигла высшихъ, для нея доступныхъ, ступеней; она беззавѣтно отдала свою душу и тѣло тому, кого любила; она дошла до преступленья, у нея помутился разсудокъ; она, начавшая свою жизнь среди цвѣтовъ, кончаетъ ее въ тюрьмѣ и на лобномъ мѣстѣ. А Фаустъ для психологического равновѣсія изучаетъ античный міръ, и дѣлается

^{)} Нѣмцы говорятъ, что гетеевскій „Фаустъ“ есть „ein Gedankendrama“. Но вѣдь и средневѣковая легенда тоже относится къ типу Gedankendrama, также какъ трагедія Марло, также какъ испанскія autos.

канализаторомъ! Но развѣ, если вы меня оскорбили, и потомъ въ видѣ возмездія предлагаете материальное вознагражденіе, это не есть новое, страшное оскорблѣніе? Нѣтъ, душа можетъ забыть оскорблѣніе только тогда,—и только тогда снова почувствовать утраченную ею гармонію, когда вы сознаете свой грѣхъ и переживете мгновенія жгучей душевной боли. Пострадавшему, не нужно ни этой боли, ни внѣшнихъ перемѣнъ, не нужно никакого чистилища, но душѣ оскорбителя оно нужно для того, чтобы, пройдя сквозь очистительный огонь, она снова вступила, какъ живое звено, въ стройную систему мірозданія и услышала тѣ гармонические хоры, которыми незаслуженно услаждается Гете смертный часъ своего Fausta.

Сказанное мною относится къ формѣ искупленія вообще, къ путямъ спасенія души, преступившей извѣстныя обязательныя основы.

Но возможно ли вообще искупленіе для людей такого типа, какъ Faustъ? Средневѣковая легенда отвѣчала на этотъ вопросъ отрицательно, и мнѣ думается, что этотъ отвѣтъ является единствено-возможнымъ. Типъ Fausta, также какъ типъ Донъ-Жуана, и также какъ типъ Прометея, сложились, каждый, подъ черной звѣздой, и представители трехъ этихъ типовъ неизбѣжно должны прийти къ одному и тому же роковому концу. Въ самомъ дѣлѣ, эти три наиболѣе интересные образы изъ галлереи главныхъ типовъ, имѣющихъ общечеловѣческій характеръ, Прометей, Донъ-Жуанъ и Faustъ, относятся къ одному началу, опредѣляемому словомъ демонизмъ. Основная черта демонизма въ его чистомъ, такъ сказать, кристаллизованномъ видѣ, есть стремленіе выйти за предѣлы своего собственнаго „я“, жгучее желаніе преступить возможность.

Краснорѣчivo видоизмѣняясь, основная черта эта повторяется въ каждомъ изъ трехъ названныхъ типовъ.

Если *Красота* Бодлера говорить: „Je hais le mouvement, qui dѣplace les lignes“ *),—Прометей, Faustъ и Донъ-Жуанъ могли бы сказать обратное: они желаютъ порвать установленный узоръ бытія, перемѣстить линіи, пересоздать ту сферу, на которой каждый изъ нихъ сосредоточиваетъ свое вниманіе: Прометей хочетъ пересоздать общий характеръ жизни, Faustъ—соотношеніе между міромъ и человѣкомъ, Донъ-Жуанъ—соотношеніе между мужской душой и женской. Всѣ трое—мятежники, возстающіе на

*.) „Мнѣ ненавистно движенье, которое перемѣщаетъ линіи“ (*La Beauté*), *Les Fleurs du Mal*.

основные законы человѣческой жизни. *Пилигримы Вѣчности* *), они желаютъ абсолютнаго, и наталкиваются на невозможность. Прометей хочетъ соединить небо съ землей, Фаустъ—совершенство съ несовершенымъ, истину и разумъ, Донъ-Жуанъ—совершенство любви съ несовершенной гаснущей душой человѣка. Всѣ трое фатально должны погибнуть, и тѣ поэты, которые даютъ благополучную связку драматической исторіи того или другого, или третьяго типа, мѣняютъ самую идею типа, лишаютъ его цѣльной, замкнутой въ себѣ, тождественности. Прометей, Фаустъ и Донъ-Жуанъ могутъ кончить только трагически, или они перестанутъ быть собой. Тогда нужно для справедливости говорить о томъ или другомъ изъ нихъ: „вотъ человѣкъ, который былъ Фаустомъ“, или: „вотъ человѣкъ бывшій Донъ-Жуаномъ“. Въ „Les Ames du Purgatoire“ Проспера Мериме Донъ-Жуанъ умираетъ въ монастырѣ, умиротвореннымъ, раскаявшимся грѣшникомъ. Онъ пересталъ быть Донъ-Жуаномъ, когда сдѣлался дѣйствительнымъ схимникомъ. Его типъ исчезъ при приближеніи къ той за предѣльной сферѣ, где типовъ нѣтъ. Такъ мы и говоримъ о монахѣ: „брать“ или „отецъ“•такой-то, а въ мірѣ такой-то. Вступая въ монастырь, онъ умеръ, и это уже призракъ Донъ-Жуана проводитъ долгіе годы въ затворничествѣ и умираетъ въ „благоуханіи своей святости“. Меня спросятъ: „развѣ Донъ-Жуанъ не могъ поступить въ монастырь, какъ таковой?“ Да и нѣтъ. Если онъ умеръ въ святости, значитъ онъ пересталъ быть самимъ собой. Значитъ,—нѣтъ и въ то же время—да, потому что по прошествіи многихъ лѣтъ затворничества онъ могъ, и долженъ былъ, стосковаться о томъ, что въ его личности было сильнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ: о женшинѣ, объ идеально-прекрасной, идеально-любящей женшинѣ; онъ долженъ былъ стосковаться объ этомъ миражномъ призракѣ, и вновь побѣжать за нимъ. Пусть Донъ-Жуанъ измѣнится, пусть онъ будетъ въ монастырѣ, и даже непремѣнно: онъ найдетъ въ немъ больше красоты, чѣмъ могъ разсчитывать въ отчаянныи моментъ такого рѣшенія, но онъ измѣнить монастырю, какъ онъ измѣняетъ женшинамъ *immer hÖher-immer weiter* **).

Теперь мнѣ могутъ возразить, что Гете вовсе и не хотѣлъ: написать *трагическую исторію* доктора Фауста, что великая цѣнность его произведенія именно и заключается въ совершенно самостоятельной разработкѣ легенды, сдѣлавшей гетеевскаго героя однимъ изъ основныхъ типовъ всего XIX-го вѣка. Справедливо.

*) Слова Байрона.

**) „Все выше, все дальше“. Слова Гете, изъ 2-й ч. Фауста.

Можно быть благодарнымъ Гете за высоко-интересную поэму, но можно и очень съговаривать на него за то, что онъ совершенно исказилъ прекрасную легенду. Произведеніе Гете останется на всегда однимъ изъ самыхъ блестящихъ созданій человѣческаго ума, благодаря яркой интересности деталей, но въ смыслѣ цѣльной идеи, въ смыслѣ соотношенія между предполагаемымъ типомъ героя и психологическимъ развитиемъ драмы, эта поэма является гигантскимъ хаотическимъ сборомъ фактовъ и сценъ, не облеченныхъ органической стройностью и лишенныхъ поэтической гармоніи.

Трагедія Кристофера Марло, представляющая изъ себя первую по времени драматическую разработку нѣмецкой легенды, имѣеть то великое преимущество передъ драмой Гете, что Марло уловилъ всѣ основные моменты народнаго преданія, удержаль его мрачный средневѣковой характеръ и въ то же время сумѣль придать своему произведенію тотъ рѣзко индивидуальный отпечатокъ, какимъ отмѣчены и другія его драмы: „Тамерланъ Великій“, „Мальтійскій Жидъ“ и „Эдуардъ Второй“. Трогательная наивность, опредѣлительность и извѣстная старомодная тяжеловѣсность многихъ сценъ марловской драмы живо переносятъ насъ въ ту эпоху, когда козней дьявола боялись ежеминутно,— когда можно было побывать въ адѣ и возвратиться на землю съ закопченнымъ лицомъ, какъ это случилось съ Данте,—и когда небо было такъ низко отъ земли, что высокія горы, для того, чтобы пройти сквозь него, если не порывали, то отгибали его голубой покровъ *). Можно ли было въ тѣ времена кончить иначе, чѣмъ страшной гибелью, позорную жизнь, основанную на союзѣ съ нечистымъ!

Неизбѣжность гибели понялъ и одинъ изъ современныхъ поэтовъ, довольно мало извѣстный, но глубоко оригинальный австрійскій поэтъ Николай Ленау, который въ своей драматической поэмѣ „Фаустъ“, имѣющей, также какъ гетевскій „Фаустъ“, философскій характеръ, заставляетъ своего героя покончить самоубийствомъ **).

Конечно, трагедія Марло ограниченѣе по содержанію мозаичной поэмы Гете. Но это не ограниченность бѣдности, а стройная замкнутость художественной цѣльности. Поэма Гете—

*). Calderon. „El Purgatorio de San Patricio“, jornada tercera, escena X.

**). Объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, отдельныя сцены которого не уступаютъ гетевскому „Фаусту“ (напр. Der Sturm, Gorg, Faust's Tod и мн. др.), см. интересный этюдъ Эдуарда Гартмана. Въ драмѣ Ленау можно видѣть въ разныхъ сценахъ полная предвосхищенія нѣкоторыхъ идей Шопенгауера, Гартмана и Ницше.

это искусственно соединенные разнородные штрихи долгой и богатой жизни, полной холодныхъ наблюдений ума. Трагедія Марло—это отдельный ярко выраженный психологический моментъ, полный неукротимаго кипѣнія.

Если вы были въ Венеции и видѣли храмъ св. Марка, вамъ, конечно, бросилось въ глаза, что это зданіе, являющееся однимъ изъ самыхъ красивыхъ зданій въ Европѣ, представляетъ изъ себя смѣшеніе совершенно разнородныхъ элементовъ. Вы одновременно чувствуете въ немъ и благолѣпную Византійскую церковь и роскошный Мавританскій дворецъ.

Посмотрите же послѣ этого на простой готическій соборъ: онъ не такъ богатъ, онъ одноцвѣтенъ и однообразенъ, но, постепенно суживаясь кверху, своимъ острымъ шпилемъ онъ уходитъ въ небо,—и еще вопросъ, гдѣ вы больше испытаете глубокихъ настроеній,—въ роскошной ли чувственной Венеции, или въ бѣдномъ нѣмецкомъ городкѣ съ его высокостремящейся готической башней?

К. Бальмонтъ.

